-Тук-тук! Можно?

— Заходите.

— Я с мужем.

— Ну давайте вместе, куда ж его деть… Ого! Это кого ж мы рожать будем с таким папой?! В вас сколько — метра три?

— Два… — смущенный здоровяк протиснулся в кабинет.

— А вес?

— Сто двадцать.

— Что ж это вы, голубчик — эдакий шкаф, выбрали себе дюймовочку, а рожать-то ей как, подумали?

«Шкаф» сконфуженно заулыбался, отчаянно пытаясь сжаться.

— Да вроде она у нас небольшая, два восемьсот была по УЗИ в прошлом месяце, — посетительница пыталась пристроить спутника в какой-нибудь угол, но тот постоянно что-то задевал и в итоге предпочел просто замереть, взглядом умоляя больше его не трогать.

— Тогда УЗИ и — вперед. Роды первые?

— Первые. Боюсь очень!

— Ну, что, женщины веками рожали, ничего. А беременность какая?

— Я ж говорю, первая!

— До этого выкидыши, аборты, в том числе на ранних сроках?

— Нет, все впервые!

— Ну, как скажете. Если вдруг вспомните, сообщите, — он быстро заполнял бу-

маги, про себя вынося вердикт: «Наверняка врет! И что ты с ними делать будешь? Небось наделала дел по юности. А если какие осложнения — нам ведь разгребать...»

Он недовольно поморщился, вспоминая осложненные роды годичной давности. После того случая он стал крайне скептически относиться к информации из уст беременных, и сейчас по привычке внутренне проговаривал: «Врешь. И тут тоже врешь...»

— Игорь Владимирович, можно вас? — раскрасневшаяся толстушка застыла в дверях с извиняющимся взглядом.

— У меня пациент, — он резко обернулся и понял, что дело срочное. Вошедшая — медсестра Маша, работала в бригаде детской реанимации. Бригада укомплектована неонатологом и хирургом. Раз пришла за ним, значит, рук не хватает. Просто так во время приема никто не заходит: персонал вышколен, отделение платное, пациенты возмутятся.

— Минуту, — кивнул он Маше. — Видимо, «сверху» звонят, начальство, сами понимаете, — обратился он к пациентке. — Вы пока снаружи подождите, я быстро.

Как только вышли из отделения, Маша затараторила:

— Там Кузякин разрывается. У нас плановое кесарево. Тройня. У одного на УЗИ выявили то ли грыжу, то ли опухоль, в общем — не отойти. А тут экстренную привезли. Схватки в метро начались. У плода сердцебиение плохое, похоже, обвитие. Меня отправили помогать, но Александр Степанович послал еще и за вами.

— А Усачев где?

— Усачев дома после суток: дежурил за Камышева, тот в больнице с язвой.

Когда они вбежали в палату, дежурная бригада суетилась в ожидании последнего этапа родов. Переодеваясь, моя руки, он отметил, что для ребенка уже подготовили реанимационный набор.

Роженица была с виду крепкой. Длинные пшеничные волосы, даже слипшись от пота, сияли здоровьем. Орала она громко, значит, силы есть. Хотя обычно такие не орали. Он уже привык делить всех их на две категории: деревенские и городские. Конечно, не по месту жительства, на разговоры кто откуда времени тут не бывало. Деревенские, в его понимании, — плотные, мясистые, с крупными бедрами и сильными руками. Рожали они так, будто в поле косили: жарко, сил нет, тяжело, но куда деться, сделай дело и отдыхай. Такие инстинктивно знали, когда и как тужиться, как дышать. Городские же — вот это морока. Щуплые, в чем душа, все за них сделай. И анестезию им побольше, и пить хотят, прям, умирают, а тут еще моду взяли за деньги мужиков своих притаскивают смотреть. Врачей не слышат. Ты им — «дыши», а они тужатся, ты им — «толкай», а они «не могу»! Правда, такие тысячу раз потом отблагодарят, и мужики их всей бригаде и конверты, и бутылки носят. Тоже приятно...

Эта была из «деревенских», но, похоже, ребенку что-то мешало, и орала мать беспрестанно.

— Так, заканчивай кричать. Тут работы на полчаса. Ну-ка, соберись!

Роженица будто и не слышала, только орала и мотала головой. По глазам коллег он понял, что шансы ребенка невелики. Сестры начали распечатывать дополнительный хирургический набор.

— Сколько уже?

— У нас она четыре часа, да плюс пока везли. Сама сказать не может, как давно первая схватка была. — Маша суетилась, поправляя ему халат

и натягивая перчатки. — Сначала шло хорошо, думали, стремительные роды будут. А как головка показалась, так и застопорилось. Очень долго не продвигается.

— А резать, видимо, было поздно… — пробубнил он сам себе. — Что делать, Саш? Может, надавить?

— Да уже пробовали. Давай, может, ты посильнее… — на лице его друга блестела испарина, сзади из-под шапочки пот каплями сползал по бритым складкам затылка за воротничок уже изрядно взмокшего халата. — Что-то не ладно. Как выйдет, он на тебе, мне — мать.

Через несколько потуг ребенок, наконец, вышел. Мальчик. Синий. Тройное обвитие. Молчит.

Игорь быстро перехватил обмякшее маленькое тельце, в два шага перенес его на столик, где сестры уже приготовили трубки и отсос. Наспех обтерев недышащего младенца, он, как в режиме ускоренной перемотки, начал реанимацию. Счет шел даже не на секунды.

Вокруг было множество звуков. Саша сердито что-то требовал от сестры, со звоном бросал зажимы, равномерно пищали датчики давления, из открытого окна доносился звон трамвая. Но всего этого Игорь как будто не слышал. Его слух был настроен лишь на одну частоту: сигнал от этого маленького человека. Человек молчал. Игорь вновь и вновь методично выполнял инструкции учебника по экстренным родам. Он понимал, что каждая минута уменьшает шансы на жизнь, а каждая секунда может обернуться инвалидностью ребенка.

Ему казалось, что прошло уже полчаса: время здесь растягивается. В реальности он спасал младенца всего несколько минут: без остановки делал непрямой массаж сердца, ощущая под пальцами крохотные ребра, которые вот-вот готовы были треснуть под его натиском. А там, за ними, все еще молчало маленькое сердце.

«Давай, парень, давай. Мы с тобой прорвемся!» — он пытался передать через пальцы свой импульс жизни, свою силу. «Давай, ты же мужик!» — уговаривал он.

«Стукнуло! Только что! Пробилось ведь!… Молчит… Ну, что же ты?! Показалось? Не может быть! Это ни с чем не перепутать. Ну же, давай! Один раз уже смог. Давай, парень!» — под его пальцами отчетливо послышался второй удар. Тишина. Еще тишина. Молчит… Вот он: третий. Четвертый. Еще!

— Умница! Настоящий мужик! Борец! Давай, мой хороший, не останавливайся. Мать тебя как услышит, взлетит от счастья.

Младенец слабо двинул ножкой, подтянул обе ручки к груди, медленно заворочал головой и издал слабый шипящий звук. Игорь подхватил его, ловко хлопнул по ягодицам, повернул головкой вперед.

Слабое подобие детского крика заглушили вздохи всей бригады.

— Красавец! — Игорь завернул его в полотенце и двинулся к матери. — Ну, заслужил, брат. Вот она — мамка твоя! — развернул малыша личиком к маме. — Что, выкладываю? — обратился он к Саше.

Саша недовольно поморщился и отмахнулся.

— Да ладно тебе, Александр Степаныч. Ты же помнишь, решение главного. «Психологи установили, что в первые минуты жизни ребенку необходим телесный контакт с матерью…» — Игорь передразнил главврача.

— Да шли бы эти психологи… — беззлобно буркнул Саша, — …в бухгалтерию. Давай, быстро, я еще не закончил.

— Слушаюсь! — Игорь комично поклонился и поднес младенца к лицу матери.

— Уберите, — едва слышно прошелестела женщина.

— Чего? — не расслышал Игорь. — Гляди, мама, вон какой у тебя богатырь! Давай, положу его тебе, готова?

— Уберите, не хочу, — чуть громче прошептала она.

— Ну, приехали, «не хочу». Теперь, дорогая моя, лет на восемнадцать свои «хочу — не хочу» забудь. — Игорь поднял пищащего младенца повыше. — Теперь вот он за тебя решать будет.

— Не надо! Уберите! Я не хочу его видеть!

Игорь озадаченно замер. На родовые горячки он насмотрелся. Обычно он резко пресекал подобное поведение рожениц. А как по-другому: не рявкнешь на них, перестанут работать, а ребенку-то ничуть не легче, чем им. Но сейчас он чувствовал такой прилив радости оттого, что это маленькое сердце забилось под его пальцами. Ему не хотелось портить себе настроение, сегодня еще до ночи дежурить в родовом.

— Ладно, отдыхай. А мы твоего красавца пока взвесим и измерим, — он направился к весам, бережно держа своего подопечного.

— Так, что тут у нас... Маша, записывай, три семьсот пятьдесят. Так... аккуратненько, головку... пятьдесят два сантиметра. Записала?

— Да-да, записала.

— Внешних повреждений не наблюдается. А конкретней наши неонатологи скажут, как освободятся.

— Игорь Владимирович, а как записывать — документов никаких нет.

— Как нет? А родовая карта? Сертификат? — он держал малыша, невольно покачивая, пока сестры нагревали лампу для младенца.

— Ничего не было, — Маша поморщилась. — Ни карты, ни паспорта. Спрашивали фамилию — не говорит.

— В смысле — не говорит? — у Игоря неприятно потяжелело в груди. — Тебя как звать-то? — повернулся он к родившей.

— Наташа, — вяло отозвалась она, прикрывая рукой глаза от яркого света ламп.

— Ну, ты не в первом классе, полностью — фамилию, отчество. Ребенка как назовешь, решила?

— Иванова. Иванна.

— Так, ребенок значит Иванов. Имя придумала ему?

Женщина молча отвернулась. Игорь начал раздражаться. Саша как-то странно на него взглянул и тоже раздраженно начал поторапливать сестер:

— Я же сказал, восьмерку, а вы мне шестой даете! Вы на работе, внимательнее надо быть!

Игорь с мальчиком на руках подошел к матери.

— Так, давай-ка приходи в себя. Миллионы женщин рожают. Все нормально. Нам тут время дорого, нечего тянуть. Карты у тебя с собой нет. Кто-то привезет? Иначе нам нужно будет взять у него кровь на ВИЧ, гепатит.

— Берите, делайте, что хотите!

— Приехали! «Что хотите» не можем. Теперь на каждый чих подпись матери нужна. Твой ребенок — тебе решать.

— Нет у меня ребенка! — крикнула она внезапно. — Не-ту! Это не мой! Уберите!

На мгновение все замерли. Стало слышно, как жужжит, нагреваясь, ультрафиолетовая лампа над детским столиком.

— Ты чего? Ау, мамаша, ты уже родила! Живой он, все хорошо! Ты что же, не слышала, как он кричал? Вот, смотри, богатырь твой.

— Уберите. Не хочу. Я его не хочу. Я не буду его брать, — женщина уже не кричала, а говорила громко, отчетливо и пугающе внятно.

— Игорь! — рявкнул Саша.

Игорь растерянно обернулся. Саша кивнул ему в сторону стола и чуть махнул локтем.

— Ничего, мой дорогой, всякое бывает! — приговаривал он, отворачивая все еще пищащего младенца, как будто заслоняя от матери. — Устала мамка твоя. Перепугалась, небось, пока ты молчал, — он сам бережно укутал мальчика в пеленку и одеяло. — Но мы-то знаем, что все у тебя в порядке, успел ты, братец, вовремя задышал. Умница, обойдется без патологий. У Александр Степаныча руки золотые! — малыш перестал пищать и как-то сосредоточенно начал разглядывать лицо врача. Игорь прекрасно знал, что в первые дни, а то и недели, младенцы не могут различать и понимать увиденное. Но сейчас он был готов поспорить, что этот ребенок смотрел ему именно в глаза, причем серьезно смотрел, осознано. — Ух, какой ты! Да, брат, задумайся. С женщинами этими нелегко, попробуй, пойми, что у них в голове! Ну, полежи теперь, погрейся, — он подмигнул малышу. Тот беззвучно шевелил губками. В груди все так же неприятно давило. Когда он направился к Саше, ему показалось, что младенец смотрит ему вслед.

— Что у тебя? Помощь нужна? — он говорил уже негромко и выдержанно.

— Нормально, заканчиваю. Что думаешь, она из этих?

— Из каких?

— Сяких. «Кукушка»?

Игорь не хотел об этом думать, он все еще чувствовал в пальцах отзвуки этих долгожданных ударов.

— Да не, просто очередная неженка. Распереживалась, вот и немного «того» на нервной почве, пока ребенок молчал.

— Ну да. Вся ухоженная, а документов ни единого. Как специально. Даже карточек кредитных не нашли. Подготовилась. Ты внимательно на нее посмотри.

— Некогда мне тут смотреть. У меня внизу контрактники. Так что, если тебе помощь больше не нужна, я пошел. — Игорь чувствовал, как в груди нарастает тяжесть.

Направляясь к выходу, Игорь мельком еще раз взглянул на мать. Ничего особенного. Баба, как баба. Ногти накрашены, вроде приличная, на мигрантку или бездомную не похожа. В груди у него уже ныло так, будто сверху поставили мотоцикл. «Да мне-то какая разница. Мое дело — роды принимать, мне чистые мозги нужны, а не философствования!» — разозлился он.

— Игорь! Ты еще здесь? Подойди! — послышалось сбоку.

— Тьфу-ты, Кузякин, сядет, так не слезет, — пробубнил он себе под нос. — Что там у тебя? Тройня говорят?

— Да у меня нормально, в третий загляни. Там одна акушерка, мне еще зашивать, а там уже головка пошла.

В третьем боксе деловитая Марья Михайловна — акушерка с тридцатилетним стажем, уже организовала двух сестер и готовилась сама принять роды.

— А, прислали! — забухтела она, снимая маску. — Ходят табунами, дел что ли у вас нет других.

— Нет-нет, я так, только если что пойдет внепланово. Вы же сами справитесь? Или помощь нужна?

— Тридцать лет как-то обходилась. Вон ей помощь нужна. Успокой девчонку, перепуганная совсем. А здесь уж я разберусь.

Игорь улыбнулся ворчливой акушерке. Она, и правда, справлялась на «отлично» даже в экстренных ситуациях, еще и врачей строила, если вдруг кто растеряется. Сейчас ему хотелось чего-то обычного, понятного. Хотелось, чтобы все шло по плану. Нормальный ребенок, нормальные роды, нормальная мать.

На столе он увидел пустые метрики.

— Давайте заполню пока. Что писать, Марь Михална?

— Ничего не писать! Партизаны у нас тут.

У Игоря кровь прилила к вискам, тяжесть из груди начала перекатываться по всему телу, давя то на голову, то на ноги. «Еще одна. Да что ж за день такой?! Чтобы два отказника за дежурство… Куда этот мир катится?» — он поморщился от штампованной фразы. — «Ну, с этой все понятно», — он мельком окинул взглядом рожающую. Ей с трудом можно было дать шестнадцать. Удивительно, что решила выносить. Хотя Игорь был уверен, что такие просто затягивают до последнего. Сначала не понимают, что беременны, потом боятся сказать, а потом уже поздно аборт делать. Девушка ныла и причитала.

— Больше не могу, подождите! Совсем не могу!

— Милочка, я-то подожду, а девчонка твоя на свет идет. Не обратно ж ее запихивать?

Игорь всегда удивлялся, с каким юмором и при этом с теплотой и заботой Мария Михайловна общалась с пациентками. За столько лет ей бы давно уже выгореть. Сама четвертых родила. Обычно его коллеги, особенно женщины, особенно родившие, говорили с роженицами жестко, подчас резко. Не хватало сил на нежности.

— Ты чего там уселся? — прервала она несвоевременные размышления Игоря. — Помоги человеку, успокой хоть. Или иди в свою операционную. Девчонка в первый раз рожает, молодая какая. Посмотрит на тебя и не захочет больше! — акушерка шутливо погрозила ему пальцем. — Ты давай, милая, соберись. Эти мужики просто не знают, как оно. Только кричать и могут. Нам еще пару раз поднапрячься, и все хорошо. Вон уже столик нагрели, ждем твою принцессу.

Игоря всегда успокаивала слаженная работа. В такие моменты он вспоминал, как в детстве отец первый раз показал ему улей, и он никак не мог поверить, что пчелы сами так все выстроили, как по линейке. Марья Михайловна умела четко организовать процесс. Рядом с ней он всегда чувствовал себя нерадивым мальчишкой, которому только и могут доверить смотреть со стороны. Но сейчас ему именно этого и хотелось — стать просто винтиком механизма, чтобы отвлечься от своих унылых мыслей. Он отстраненно смотрел на эту девочку: волосы каштановые, веснушки. На шее крестик на простой веревочке. Ему и жалко ее было, и злился он на таких. Понятно, конечно, что совсем ребенок. Но если до секса додумалась, то предохраниться тоже могла бы. И ребенку всю жизнь искалечит, и сама ведь взвоет потом, ночами спать не будет, думая, где теперь ее малыш.

Громкий крик пробудил его.

— Умница! Без разрывов! Ты моя хорошая! Ох, красавица у тебя, ты глянь, какая глазастая!

Игорь машинально встал и направился к выходу. Он несколько раз видел, как потом эти девчонки плачут, как мечутся, подписывая отказную. Смотреть на это снова не хотелось.

— Все нормально? Я пойду?

— Иди-иди. Отлично у нас все! — Марья Михайловна обтирала звонко кричащего младенца.

Выйдя из бокса, он мельком заметил, как акушерка кладет ребенка на живот матери… Матери… как они так: девять месяцев ходят и знают, что отдадут? А мужики-то их — тоже странные. Это ж твоя кровь, как ты ее отдать можешь кому? Ничего ж не может быть в этой жизни настолько твоим, как ребенок, инстинкт самца должен срабатывать. Никакой закон или обман не сможет сделать его *не* твоим: природа сильнее, как бы дальше ни пошло, но ты дал ему жизнь… Игорь не считал себя религиозным. Да и о Боге вспоминал обычно только в самолете, когда трясло. Но, размышляя об отказниках, он был уверен, что так нельзя. И неважно, почему. Просто нельзя, и все.

Он спустился в платное отделение. Хотелось пить и выпить. Еще хотелось в душ, смыть впечатления. Возле кабинета нетерпеливо расхаживал здоровяк. Его жена сидела, обмахиваясь журналом.

— Проходите! — буркнул Игорь. — Прошу прощения, вызвали. — Он совсем не был расположен к лишним разговорам и хотел пресечь излишнюю болтливость, свойственную беременным.

— Так… значит УЗИ. Ложитесь. А вы берите стул, пододвигайтесь к монитору.

На экране замелькали привычные очертания. Все выглядело нормальным. Хоть здесь можно не дергаться. Он на автомате высчитывал замеры, заносил в карту, а в пальцах все еще ощущал робкие удары.

— Что-то не так?! С ней все в порядке? Она в последнее время стала очень мало толкаться! — женщина с испугом переводила взгляд с молчащего врача на озадаченного мужа, не имея возможности заглянуть в монитор.

— Растет, вот и меньше места остается, чтобы шевелиться. Все в норме. Я отклонений не вижу. По срокам тридцать восемь недель.

— А лежит нормально? Нет показаний к кесареву?

— Если бы были, я бы сказал.

— Уф, слава Богу! Я просто испугалась, мало ли что! — она умиротворенно улыбалась мужу, удивленно вглядывавшемуся в шевелящиеся на экране тени.

— Меньше себя накручивайте, и ребенку спокойнее будет. — Игорь вдруг почувствовал какую-то странную тоску. Он смотрел на эту пару и представлял, с какой любовью они будут держать новорожденного, как этот «шкаф» все же заплачет, перерезая пуповину, как целая делегация будет встречать ее у дверей на выписку с шариками, надписями на асфальте, наклейками на машине. А для другого такого же крохотного человека первая встреча с родной матерью останется единственной. И забирать его будут дежурные сестры дома малютки. А его мать скорей всего уже сегодня под расписку уйдет через запасной выход, не выдержит после нескольких часов в палате с другими женщинами, не спускающими с рук своих малышей.

Пациентка что-то говорила, он машинально кивал в ответ для приличия еще несколько минут, пока совсем не выдохся.

— Как схватки начнутся, берите такси и сюда. Обычная «скорая» не станет вас спрашивать, в какой роддом.

— А если не начнутся?

— Да куда они денутся. Кто там у тебя — мальчик?

— Девочка! — с нежной улыбкой выдохнула она.

— Ну, девочки могут лениться. Тогда через две недели будем стимулировать. Только предварительно позвоните, договоримся. Всего вам хорошего, меня ждут в родовом.

Закрыв кабинет, он зашагал в сторону выхода. Уже два года как не курил, но сейчас очень надеялся угоститься хоть одной сигареткой.

— Вот видишь, все хорошо, а ты переживала, — здоровяк обнял свою жену и поцеловал в макушку. — Только ты уверена, что хочешь рожать *у этого*? Какой-то он неприятный.

— Да вроде уже решили. Не знаю, может, просто занятой очень...

— Уж мог бы запомнить, что у нас девочка или хоть в карте подглядеть или на экране своем, раз такой занятой. Он за это деньги получает.

— Ты не заводись. Главное, чтобы не грубый, чтоб во время родов не прикрикивал, а то я еще расплачусь.

— Еще чего! Я рядом буду, я на него сам прикрикну, если надо. Идем. Мороженого хочешь?

— Давай! Лимонного.

Игорь не спеша подошел к турникету на входе. Охранник поделился с ним «Явой». Дрянь редкостная, но стало полегче.

— Это вы, Игорь Владимирыч? — окликнули сбоку. Доктор устало обернулся. Лопоухий паренек лет шестнадцати растеряно теребил пакет из соседнего супермаркета.

— Слушаю вас. Только я очень тороплюсь.

— А я вас везде ищу! Я на минутку! Вот! — парень протянул пакет. Спасибо вам!

— Это что? — Игорь озадаченно взглянул на пакет, потом на его дарителя. Волосы растрепанные, лицо неумытое, рубашка в пятнах пота, как у него бывает после дежурства.

— Эт вам. Ну и тем, кто там еще был. В магазине только это было. А мы потом уж отблагодарим нормально.

— За что? Вы собственно кто?

— За жену! То есть за ребенка! За дочку! — парень широко улыбнулся. Игорь скептически окинул взглядом собеседника еще раз. Обручальное кольцо у того, и правда, имелось.

— Мне сказали, принимали вы и акушерка Марина... забыл отчество. Это вам чая попить. Что успел. Я ведь как ночью с ней приехал, так все боялся отойти. Думал, это у них быстро.

— У нас нет Марин. Вы ничего не путаете на радостях? Спасибо, конечно, но мне, видимо, стоит это кому-то передать. Я роды сегодня еще не принимал.

— Как же? — озадачился парень. — А мне сказали... Жена моя — Светка. Маленькая такая, с веснушками, волосы темные. Час назад родила! Дочку! Мы еще не назвали: она переживала очень, сказала, что имя выбирать будем только после того, как родит. Первая у нас. Во, вспомнил: Михална. Марина Михална — акушерка.

У Игоря в голове складывалась картинка, но вид паренька не внушал доверия.

— Мария Михайловна принимала… Это сколько же вам лет?

— Девятнадцать! Обоим! — засиял лопоухий. — Мы со школы вместе. Сразу поженились и это… Доча теперь! Спасибо вам!

— Да мне особо не за что. Основную работу делают женщины, мы лишь страхуем. Не рановато ли вы решились?

— Не, мы много детей хотим, пока молодые! — парень почему-то похлопал себя по голове, как будто там находился источник молодости. — Короче, я побежал — Светка сказала в церковь зайти, поблагодарить, что все хорошо. У нее ведь все хорошо там? У них, то есть.

— Да, все в порядке, насколько мне известно.

— Спасибо вам! До свиданья! — парень впихнул Игорю в руку измятый пакет и побежал к калитке.

Игорь рассеянно смотрел ему вслед. Потом заглянул в пакет: «Тортик и конфеты. Девчонки будут рады. Смешной какой — папаша…» В груди стало полегче. «Много хотим», — Игорь хмыкнул, вспоминая растрепанный вид паренька. Хорошо, если так. Посмотрим, что ты через год скажешь.

В родовом уже ощущались сумерки. Каждое время дня здесь сопровождалось своим ритмом работы. Под вечер рожают больше. Счастливых измученных женщин с закутанными конвертами у груди вывозили на каталках. Звуки отделения превращались для него в шум единого механизма. Работа была отлажена, как в муравейнике: хотя внешне могло показаться, что персонал двигается хаотически, бездумно перебегая из угла в угол.

— Какой бокс рожает?

— Пятый!

— А почему орет третий?

— Обезболивающее ждет! Анестезиолог в первом — отойти не может, там кесарево с астмой, побочки на наркоз боятся.

— Пошли Валю в третий, обезболит своей болтовней.

Игорь пару минут наблюдал за своим «муравейником», пытаясь отключиться от эмоций и настроиться на рабочий лад. В конце коридора стояла странная парочка: мужчина и женщина в бахилах и наспех накинутых одноразовых халатах. Женщина беззвучно плакала, приложив ко рту бумажный платок. Мужчина что-то ей говорил, то как будто злясь, то пытаясь приобнять.

Игорь двинулся к ним. Явно не комиссия и не интерны. Не роженица. Родственники. Плачет — что-то случилось. Но почему сюда пустили? Если рожают в VIP-боксе, то сопровождающие находятся внутри — санитарные нормы. В случае осложнений должны проводить из отделения. Другим женщинам вовсе ни к чему переживать за чужие беды: им всем рожать в ближайшие сутки, и так перепуганы собственными схватками.

— Вы к кому? — начал он нарочито жестко, как будто именно эти двое были виноваты в его сегодняшних наплывах сентиментальности.

— Мы из шестого блока. У нас контракт, подписано вашим главным, — мужчина говорил выдержанно, но, видимо, из последних сил. Казалось, сейчас сорвется на крик или плач. Женщина не поднимала глаз.

— Родственники? Почему не внутри? — он осекся, понимая некорректность вопроса. Шестой блок как раз VIP. Раз вышли, значит, там

плохо. Теперь в лучшем случае женщина окончательно расплачется, в худшем — начнут рассказывать, что произошло, а то и истерить на весь коридор.

— У нас тут беременные, со схватками, обстановка нервная. Давайте я вас провожу в холл. Там кулер с водой, автомат с кофе, передохнете, — ему совсем не хотелось знать, что произошло.

— Спасибо, — мужчина поднялся, поддерживая жену под локоть. — Идем, посидим, все будет хорошо.

Игорь довел их до выхода. Мужчина поблагодарил кивком. Возвращаясь в отделение, Игорь в очередной раз за сегодняшний день пытался перекрыть доступ к своим чувствам, мешавшим работать. Хотя бы на ближайшие три часа. Ему необходим трезвый рассудок и уверенные руки.

Постепенно работа пошла ровнее. Он помог Кузякину, принял еще двое родов, ассистировал при кесареве, заглянул на вечерний обход в детскую реанимацию. Напряженный день съеживался под натиском густых августовских сумерек. Там, снаружи, они уже заволакивали небо, проникая во все закоулки. И только здесь, просачиваясь сквозь распахнутые окна, вступали в неравную схватку с ярким больничным светом.

Поток рожающих временно прекратился. Следующий наплыв обычно наблюдался к трем часам ночи. Это были те, которые чувствовали первые схватки еще с вечера, но думали, что обойдется. А потом посреди ночи просыпались с уже отошедшими водами. Привозили их быстро, хотя некоторые успевали родить в «скорой» или в приемном, внизу.

Но все это позже. К тому времени Игорь будет спать дома под мерное жужжание телевизора. А пока отделение затихает, чистится, приходит в себя. Санитарки неспешно шелестят пакетами, сестры загружают боксы лекарствами, врачи засели за карты. Любимое время дежурства. В такие минуты ему приятно было пройтись по палатам, поговорить с новоиспеченными мамками, заглянуть в детское отделение. Там, в детском, он особенно остро ощущал свою причастность к этому священному действу природы. В свое дежурство он чувствовал себя первым крестным отцом всех этих малышей. Если Бог есть, он где-то наверху — над всеми людьми. Тогда он, Игорь, вот здесь, на земле, на своем участке, как маленький бог. Именно родов. Именно сегодня.

В ординаторской, обложившись бумагами, Саша накручивал на пластиковую ложку заварную лапшу.

— М-мм, жаходи. Чай шкыпэл вон, — прокартавил он с набитым ртом, кивая в сторону бурлящего чайника.

— Спасибо, гурман ты наш. Камышев с язвой, и ты за ним собрался? — Игорь плеснул кипятка и плюхнулся на диван напротив Саши. — Печенье что ль дай?

— Вон тортик бери, Марь Михална угостила. Наш любимый — с ромом. — Саша пытался поймать соскальзывающую макаронину. — Тьфу ты, идиоты, хоть бы вилку положили... Эта-то все-таки ку-ку.

— Чего? — Игорь не понял, о чем идет речь.

— «Кукушка», говорю, наша, отказную написала, зараза.

Игорь с раздражением подумал, что лучше бы и не заходил. За вечерней работой он отключился от воспоминаний об отказниках. А теперь в пальцах снова ощутил те слабые удары маленького сердца. Он постарался вспомнить наставления их профессора по этике. О праве выбора женщины, о жизненных препонах, о которых врач может и не догадываться, о том, что лучше не родная, но любящая, чем родная, но не готовая к сво-

ей миссии… Игорь взглянул на торт и вспомнил смешного молодого папашу. В душе что-то смягчилось. Ему захотелось и эту женщину простить, найти ей оправдание.

— Может, некуда ей взять его. Хорошо, хоть родила, а не убила в утробе.

— Да кто знает, может, пыталась, вот он у нас едва живой и вылез. Карты-то нет. Я ж говорил, специально без документов, чтобы мы ее в отчетности зафиксировать не смогли. Хитрая.

— Да кто знает, чего у нее в жизни было. А тройное обвитие у любой бывает, сам знаешь. Может, у нее мужик урод, не примет, а она любит его до безумия. Может, у нее рак или Альцгеймер, вот она и не хочет, чтобы ребенок потом по ней тосковал. А может, ее вообще изнасиловали.

— Давно это ты, Игорь Владимирыч, в сказочники заделался? Сам-то хоть веришь в свои бредни?

— Да просто денек сегодня тот еще, — Игорь смутился, что Саша уличил его в сентиментальности.

— А про странности. У Кузякина-то сегодня VIP-шники что отчудили! Там суррогатная мать, эти ей все по высшему разряду оплатили, нарядились, все роды там торчали, на камеру снимали. А она родила, а отдавать отказалась!

— В смысле? — Игорь не успевал переваривать все этапы истории.

— Без смысла! На руки взяла и как заревет, мол, не отдам, он мой, не могу. У Кузякина первый раз такое. Он их выставил, пытался с ней поговорить, а они и сами давай реветь.

— Я видел их, — Игорь представил себя на месте Кузякина — стал бы он вмешиваться, уговаривать… — Вот и не поймешь, кому из них сочувствовать. Они, наверное, бесплодные… А получается, по закону ребенок их, если яйцеклетку ей пересаживали?

— Да нет у нас никаких законов, ты где живешь?! Она выносила, ей решать. Хоть пятьсот контрактов подпишет, за ней последнее слово. А вот ей точно взять некуда. Девчонки сказали — у нее своих трое, мужа в пьяной драке убили год назад. Решила заработать, чтобы детей поднять. Не заработала! Они теперь, наверное, и деньги за роды потребуют вернуть, и за беременность. С чего она отдавать будет. Но вцепилась — ни в какую.

Игорь медленно переваривал услышанное… У него ни разу не было родов с суррогатными, и он слабо представлял, как это бывает. Сразу ли отдают родителям или выкладывают на живот. Или к груди прикладывают. Дают ли попрощаться или поскорей уносят… Он представил эту женщину, сидящую там, в навороченной палате с малышом, которого она носила, зная, что отдаст. И вот — не смогла. Держит его и плачет. Думала, сможет, но природа взяла свое. И как она вместо денег принесет домой еще одного голодного птенца. И как она дальше с ними будет…

— А эти какие-то крутые, с главным все напрямую решали, фамилии зашифрованы, чтобы никто не узнал потом. Понакупили уже всего, всю палату заставили и игрушками, и люльками, одежками. Не знаю, уехали или сидят ждут, вдруг передумает…

— Вот не позавидуешь! Слушай, а там кто у них родился?

— Да вроде пацан. Да кто б ни был, им от этого не легче.

— Может, им этого предложить? «Кукушонка» твоего?

— М-мм, ну предложи, и чего? Они своего ребенка ждали. Суррогатная, это ж биоматериал их!

— А я тупой такой, не знаю. Но я ведь вот про что: если они так хоте-

ли ребенка, может, возьмут? Такие крутые, наверняка всем близким растрезвонили, может, она даже фальшивый живот носила, чтобы не догадались. Как им возвращаться без ребенка. А тут в тот же день, в том же роддоме, как будто знак, понимаешь? Да и мать эта, мы с тобой подтвердим, вполне нормальная, на наркоманку или сумасшедшую не похожа, младенец без патологий...

Саша нахмурился:

— Чудес, что ли, захотелось? Так это ты, Игорек, не в том месте работаешь. Ты бы в фокусники пошел, пусть тебя научат.

— Да ну тебя, — Игорь хотел разозлиться, но почему-то расстроился. Чудес, и правда, хотелось. Настолько, что комок подкатил.

— Может, тебе выпить?

— Может. Ты налей, а я пойду все-таки попробую с ними поговорить. Я быстро.

Саша сочувственно проводил приятеля взглядом.

— И заявление на отпуск заодно напиши, а то совсем чудить начал! — он достал из ящика потертую флягу, две крохотные рюмки и аккуратно расставил на столе.

КОГДА Я УМРУ, Я СТАНУ СОБАКОЙ

Солнечные лучи настойчиво пробивались сквозь неплотно задернутые шторы. Кондиционер работал на полную мощность, позволяя гостям отеля в знойные часы нежиться на прохладных простынях. Она недовольно высунула голову из-под одеяла, в очередной раз ругаясь на себя: «Ведь знаешь же, вырубишься днем — весь вечер разбитая ходишь, но все равно ложишься! Ну не дура?!»

— Но я хочу, чтобы мы были вместе, — пропищал голос где-то рядом.

— Я всегда буду с тобой! — вздохнули в ответ.

«Мыло? Видимо, Сергей забыл выключить телек и убежал на пляж. Ну, для чего людям за тысячу километров от дома русские каналы, неужели две недели в году нельзя погрузиться в чужую жизнь...» Перевернувшись на другой бок, она с удивлением обнаружила его развалившимся рядом, хмуро рассматривающим свои облезшие плечи. Стало сразу тепло и уютно: просыпаться одной всегда так тоскливо.

— Через четыре года общения я, наконец, подловила тебя — любитель мексиканских сериалов! — она мягко провела ногтями по его коже, изображая кошачьи повадки.

— Детка, я бы и рад тебя удивить, но, увы, не в этот раз, — легкий поцелуй приятно оживил тело. Запах моря от его волос окончательно развеял сонливость.

— Не уходи, прошу тебя! — снова запищал голос, и она, развернувшись к экрану, с разочарованием увидела не страстные смуглые лица влюбленных, а тяжелый хмурый пейзаж морского побережья и грязное заплаканное лицо в нелепой шапке.

— Кто это ее так нарядил? Не удивительно, что он ее бросает! — последнее слово вылетело как-то бесконтрольно, несмотря на ее теорию, что во взрослых отношениях никто никого не бросает, мы просто делаем выбор.

— Если тебе станет легче — это он, а не она, — саркастическая улыбка украсила загорелые щеки ямочками. — Это мальчик, а второй — его

отец. Очередная антиутопия: мир, видимо, рухнул, я не видел начала; везде свалки, все живое вымерло, оставшиеся кучки людей поедают друг друга, ибо больше есть нечего.

— Очень в твоем духе. Отличное кино для отпуска! — унылые краски постапокалипсиса напомнили о страхах. В последнее время тема конца света, так активно муссировавшаяся вокруг, отзывалась в теле противным холодком. Безусловно, она была достаточно умна, чтобы не верить в магические предсказания, но осознание хрупкости современного мира и того, как легко его уничтожить придавала реалистичности страшилкам про очередной «роковой декабрь». Да и пресловутый коллайдер постоянно был в центре новостей.

Как-то после просмотра очередной серии «Скорой помощи» про умирающего от рака больного она в который раз удивилась: почему люди, знающие о близости своей смерти, не «оторвутся» напоследок по полной, а все строят иллюзорные планы — не верят, что ли? И после пары логических цепочек и анализа собственного поведения выяснилось, что, похоже, она-то в конец света не верит, хоть и боится. Ведь судя по расчетам до него оставалось всего ничего, а образ жизни никак не поменялся: работа, учеба, ежедневная круговерть. Выходило, что она тоже не рвалась взять круглую сумму в кредит под бешеные проценты (благо, отдавать не придется) и, бросив всю эту суету мирскую, отправиться в кругосветку…

— Продолжай идти дальше. Никогда не знаешь, что ждет за поворотом… — прохрипел экран.

— Банальщина какая.

— Ну да! Конец света — и тот опошлили! — улыбнулся он.

— А почему папашка его бросает? Если вокруг все так плохо?

— Да не говори! Помирает в такой момент, эгоист! — он с комически возмущенным лицом потянул ее к себе и улыбнулся. — Теплая какая… Просто они с отцом весь фильм идут и идут, вокруг холод, пустыри, помойки, жрать нечего, мыться негде, одежда прорвана. Вот он, видимо, чахотку подхватил.

— Чахотку? Это ж теперь туберкулез? Так от него же лечат!

— Какая разница. Я же сказал, почти все вокруг вымерли, мир разрушен, искать помощи негде, ау-у-у! Вот он и помрет сейчас. А пацан боится, как ему одному дальше.

— Я не хочу один, пожалуйста, папа! — вторил ящик. — Возьми и никому не отдавай его, — прохрипел бородатый оборванец, передавая пистолет сыну.

— Вот бред, зачем ему оставаться жить, если мир рухнул?! — по ее лицу скользнуло искреннее недоумение.

— Ну да, и правда, вот болван, револьвер же есть, пусть сразу застрелится.

— Да я серьезно! Ты не согласен? Его же все равно потом убьют и сожрут, разве нет?

— Ну, это еще неплохой вариант, знаешь ли… Страшнее, если сначала начнут жрать, а потом смилостивятся и пристрелят… — он злорадно поклацал челюстями и облизнулся.

— Фу, какой же ты гадкий! — она начала махать кулачками, подбадриваемая его мягким смехом. — Еж!

— Да ладно, ежиха, собирайся, на море пойдем, — он скинул одеяло и зашлепал по холодному полу к окну.

— Нет, подожди, ты не согласен, что в его положении легче застре-

литься, чем вот так все время в страхе жить: не спать, брести одному неизвестно куда? Это же безумно страшно!

— Настен, мне кажется, что приставить к виску револьвер и нажать на курок не менее страшно, — он раздвинул шторы, глаза ослепил белый блеск. Разговор был окончен: он редко называл ее по имени, и, как она выяснила опытным путем, только в тех случаях, когда тема беседы ему не нравилась.

— Ну да, конец света вон тебе не страшен! — она попыталась надуться.

— Так тут все будет намного проще, не надо выбирать: все просто — раз, и умрем. Зачем тут напрягаться... Ты мои плавки куда повесила?

— Ничего себе! То есть тебя пугает не смерть всего нашего мира, а возможность одним нажатием покончить с собой?! — она энергично собирала пляжную сумку в расчете на очередную бурную дискуссию.

— Возможность нажать меня не пугает — в этом и плюс нашего демократического общества, у каждого есть право себя убить. Но прострелить себе голову — это все же не для слабых.

— Да ну, конечно! Зачем проблемы тут решать, на земле, проще избавиться ото всего разом!

Он посмотрел на нее, ощущая, как съеживается все его нутро от этих слов. Он привык к этой боли от резких осуждающих комментариев тех, кто был в этой жизни сильнее, кто понимал, для чего она, и твердо шел вперед, оставляя его где-то позади в полном одиночестве. — Идем, я готов...

Большая часть туристов, просидевших самые знойные часы на море, уже спешила с пляжа в отель, с насмешкой оглядывая сонную парочку, бредущую в обратном направлении. Естественно, система «все включено» ставила гостей отеля в жесткие рамки: после завтрака скорей к морю, потом надо снова бежать в отель на обед, а уже с трех в баре на море выставляли перекус из восточных сладостей. Какой же тут дневной сон: весь день бегом-бегом. И, наконец, с 18.30 ужин, на который еще нужно успеть заранее, чтобы места занять поближе к столам с раздачей, вдруг самое вкусное сразу растащат, а потом уже не доложат; арабы — народ хитрый. Все это вынуждало уходить с пляжа уже около пяти: пока женщины-пирамидки суетливо собирают разложенные еще с утра на нескольких лежаках полотенца (на всякий случай, чтобы с запасом места хватило), их мужчины-телепузики (в такие животы не то что плазма, старый кинескопный ящик влез бы) нетерпеливо поторапливают отпрысков, заплескавшихся в море.

— Слушай, а кринолины — умная штука была! Женщины-конусы — как гармонично смотрятся. А то сейчас на некоторых смотришь — как мороженое.

— Почему мороженое? — автоматически спросила она, прикидывая, постелить ли полотенце на песке или уже прохладно и пора располагаться на лежаках.

— Потому что на палочке. «Елочка» — эскимо такое было. Вот и у них до попы елочка из складок, а ноги с сужением, как палочка.

— Умник, ты сначала троих детей выноси и роди! А потом посмотришь на свой зад. А то вон некоторые из мужиков тоже вполне на седьмой месяц тянут! — она вдруг обиделась за этих гусынь, хотя сама же раздражалась на телесную «распущенность» русских женщин.

— Солнце, если рождение детей сделает из твоего тела такой же пудинг, я предпочту не рисковать. Усыновим арабчонка!

— Бестолочь! — она метко запульнула в него сандалей.

— Ой, прости! Ты же их недолюбливаешь, забыл! Тогда китайчонка, лучше оптом — сразу трех возьмем.

— Тогда заодно и жену себе китайчи́ху выпиши!

Во избежание скользких тем оба уткнулись в свои дела: она читала, он набрасывал зарисовки, запечатлевая мгновения жизни: смешные позы и выразительные жесты особо стойких перед зовом голода туристов, рассредоточившихся по пляжу; суетливых марокканцев, перетаскивающих надувные плюшки и бананы, полинявших верблюдов и их наездников в еще более полинявших нарядах. Они оба старались не касаться вопросов их отношений, будучи неготовыми их решать. Через год после знакомства, споров, пустяковых ссор и серьезных конфликтов они расстались. Связь оборвалась быстро, жестко, оставив только тоску и обиду. Через три месяца он не выдержал и приехал к ее дому, прождав шесть часов, чтобы увидеть. Они молча сели в машину и поехали к нему. После той ночи понеслись две недели встреч по сценарию кино-кафе-секс, без разговоров, воспоминаний, претензий. Ни один из них не готов был больше делиться чувствами не только вслух, но и наедине с собой. Они снова пресытились, резко прервав общение, не пытаясь интересоваться друг другом. Еще через месяц круг снова замкнулся, и вот уже три года не разрывался: они плыли в тех странных «свободных» отношениях, которые не были обременены обсуждениями, сценами ревности и планами на будущее. Встречаясь по две-три недели за сезон, ни один из них не мог или не хотел понять, почему их иногда так тянуло друг к другу и почему так скоро становилось тошно и скучно.

Теплое море расслабляло. Он прижимал ее к себе, наслаждаясь беспечными мгновениями: забывал о депрессивном грязном городе, который так и не смог полюбить, бесконечных конфликтах в семье, нереализованных ожиданиях родных, упущенных возможностях и о той пустоте, наполнявшей каждый его день. Она не могла заполнить пустоту, но всегда отодвигала ее на потом, до того момента, когда пресыщение вновь не отталкивало их друг от друга.

Увидев на берегу Захру, она поторопилась выйти из моря. Сев на край лежака, развернула два принесенных свертка: с завтрака и обеда. В больших карих глазах заблестела радость. Высокая тощая дворняга приходила на пляж к вечеру, когда ее уже не прогоняли. Несколько туристов исправно приносили ей колбасу и мясо, движимые тем странным чувством вины от контраста ломящихся столов ресторана и болезненной худобы местных животных. Добродушная собака пугливо обходила все лежаки в надежде, что кто-то позовет ее, чтобы угостить.

— Ты, моя красивая! Кушай на здоровье. Глаза у тебя какие… А шерсть песочного цвета, — руки ощущали тепло мягкого подшерстка, прохладные уши, мокрый нос. Захра жмурилась то ли от угощения, то ли от ласковых поглаживаний, то ли оттого, что, наконец, пришла весна, и на пляже начали появляться добрые люди с едой вместо жестоких мальчишек с палками и камнями.

— Ну что, пришла твоя питомица? — Захра настороженно пригнулась.

— Смотри, какие у нее глаза: как человеческие! Глубокие такие, будто в душу смотрят.

— Не в душу она тебе смотрит, а за спину: нет ли еще еды, — он нагнулся и погладил собаку. Та успокоилась, по-видимому, ощутив себя в безопасности.

— Так жалко ее... Почему местные не подкармливают? Сколько остается еды в отеле.

— М-м, а почему ты не подкармливаешь детей из Малави, а сама бездушно выкидываешь наковырянный изюм из кексов?

— Это другое. Животные о себе позаботиться не могут... Мне кажется, они все когда-то были людьми.

— Значит, такими людьми были, что заслужили собачью жизнь? Что за теория бредовая... Вот по какому принципу человек станет молью, а по какому — жирафом? И почему я тогда стал человеком: был безгрешным зверем?

— Ничего не бредовая! Никто не уходит просто так. Все возвращаются на землю! — она опять начинала заводиться в ответ на его привычку обесценивать ее гипотезы.

— Какая прелесть. У тебя, кажется, скоро второе высшее, — он иронически похлопал ее по колену. — Тогда я соглашусь с черногорцами.

— В смысле?

— У них есть шутка: если спросить черногорца, каким животным он хочет стать в следующей жизни, он ответит — змеей. Потому что идешь и лежишь одновременно.

— Я думаю, что когда я умру, я стану собакой, — его шутка явно не дала своего результата.

— М-м... Ну, тогда ладно, куда ж я без тебя. Так и быть, тоже стану собакой. Только, чур, я — маленькой, они живут дольше. Но не вот этой немыслимой, которую на одной руке носят: это ж одуреть — весь день таскаться с куклой-хозяйкой по магазинам, салонам, слушать их пластмассовые разговоры... Эй, ты чего?..

Он увидел, как она вытирает ладонью слезы. Он ненавидел, когда кто-то плачет, чувствуя себя в этот момент совсем одиноким. Ему не хотелось никого утешать, он же никому не плакался. А не начнешь утешать — от тебя отвернутся, и ты станешь еще более одиноким и жалким. Знакомое чувство безысходности подстерегло его даже здесь, на отдыхе, вдали от промозглой московской весны. Хотелось вскочить и скорей убежать, спрятаться от него. Но тошнота уже подступила к горлу, вязкая, истощающая. Тошнота от жизни, от этой скуки, необходимости как-то существовать, даже если совсем не понимаешь зачем. Ему хотелось облегчения, как при отравлении, хотелось, чтобы скорее вырвало всей этой проглоченной наспех несвежей жизнью.

— Да ничего, просто жалко их и тоскливо так от своего бессилия. — Захра увидела бегущую к ней девчушку с большим бутербродом и понеслась навстречу, виляя мокрым хвостом.

— Эй, ну хочешь, я тебе пообещаю, что я точно стану собакой, и вот так же буду подбегать, выпрашивая что-нибудь съедобное?

— Угу, — уныло кивнула она.

— Тогда обещаю! Как умру — так сразу к тебе в виде собаки! Честное-пречестное!

— Ну и дурак же ты у меня! — она слегка улыбнулась, вытирая тыльной стороной ладони щекочущие слезинки. Он нежно обнял ее, стараясь поскорей сменить тему...

* * *

Когда его хоронили, небо так и не смогло выдавить из себя ни капли, несмотря на нависшие безликие тучи. Промозглый ветер шевелил редкие остатки давно засохших листьев. Закрытый гроб на постаменте был похож на старое пианино, которое уже и не играет, но выкинуть жалко — стоит для мебели, вроде не мешает никому.

В воздухе витали обрывки стандартных фраз «нелепость... так не вовремя!.. ничто не предвещало... какие надежды». Близкие молчали, оглушенные осознанием произошедшего и попытками понять, почему же все-таки...

...В обшарпанном приюте куратор неспешно открыла вольер со щенками. Маленький черный комочек визгливо бросился к ней, переваливаясь на еще кривых лапах. Через полчаса он неуклюже переминался у нее на коленях, пугливо прячась от автобусных пассажиров. Через месяц в квартире поселилась и рыжая дворняга с несоразмерно большими ушами. Она кормила своих собак со стола, намывала душистыми шампунями, вычесывала шерсть. Злясь и ругая себя за детские желания верить в чудеса, она заглядывала в их глаза, вопреки логике надеясь увидеть в них что-то большее, какой-то знак, намек, послание... Они восторженно виляли хвостами, прыгали, лизали руки и, сворачиваясь клубочками по краям постели, грели всю ночь. У них были потрясающие добрые благодарные глаза. Просто собачьи.

МАМЫ

— А имя твое, знаешь, почему такое?

— Да знаю, дед!

— Федор — Богом данный.

— Да я знаю, дед, сто раз говорил!

— Бог — он в душе у каждого, вокруг нас, в каждом дне. Во всяком деле Он с тобой.

Беседы деда с каждым годом становились все скучнее, эпизоды и шутки повторялись, и взрослеющему Федьке компания старика уже начинала казаться тоскливой обязанностью.

— И потому в церковь ходить нужно, чтобы поближе к Богу-то быть, — продолжал дед, обращаясь к разложенной на столе гречневой крупе. Кожа у него на ладонях была мозолистой, и, казалось, пальцы уже не могли до конца разогнуться, не прорвав эту тугую подошву. Гречка была никудышней, и дед все время качал головой, выбирая дрожащими пальцами черные зерна.

— И люди там, в церкви-то, они душою светлей, помогут они, если что, добрей они, в сердце.

В ответ на слова о доброте людей память Федьки начала прокручивать эпизоды воспоминаний. Ему было лет шесть, когда они с матерью и крестной поехали в Углич к родным. Городок был теплым, приветливым. Они весь день гуляли по его паркам и зашли на вечернюю службу в церковь. Федька уже знал, зачем нужны церкви, умел креститься и ставить свечки с очень серьезным лицом. Эта была непохожа на их московскую: низкие потолки, тусклые деревянные иконы в потрескавшихся рамах, наваленные на лавках пакеты и свертки, и всего человек пять прихожан,

которые недобро уставились на них. Федьке церковь не понравилась, даже рассматривать было нечего, и его скользивший в поисках чего-то особенного взгляд остановился на маме. Мама стояла чуть сбоку, и через узкие окошки на нее падали мелкие лучи света, начинавшие бегать по лицу и платью всякий раз, когда снаружи ветер шевелил деревья. Федька смотрел на маму с восхищением и любовью. Она была такая красивая, улыбчивая, к ней так хотелось подбежать и обнять... Но он знал, что в церкви нужно стоять тихо, и продолжал вздыхать от скуки, переминаясь с ноги на ногу.

Потом к крестной подошла какая-то тетка и что-то спросила. Крестная едва мотнула головой и отошла. Тетка постояла и направилась к маме, и Федька с любопытством начал осторожно пододвигаться к ним, чтобы лучше слышать.

— А вы свечки брать будете?

— Нет, спасибо. Мы еще завтра зайдем, поставим.

— А?

— Нет, спасибо! Сегодня не будем.

— Не нужны вам свечки?! — тетка так посмотрела на маму, что Федьке показалось, будто мама сделала что-то плохое и на нее сейчас наругаются. Он поскорей поторопился взять ее за руку.

Через пару минут тетка вернулась и встала перед ними, наклонившись к Федьке.

— На вот, держи, раз они не могут тебе купить, — громко и злобно сказала она, протянув погнутую красную свечку. — Пойдем, поставим Казанской.

Федьке идти не хотелось, но мама молчала, и он решил, что свечку поставить нужно, раз дают. Тем более, тетка так громко говорила, что он побоялся, что она все-таки наругается на маму, если он не поторопится. Тетка согнулась и обхватила Федьку за плечи. Ее волоски неприятно щекотали щеки, изо рта противно пахло. Через пару шагов Федьку осторожно потянули назад. Обернувшись, он с облегчением увидел маму.

— Не надо, спасибо.

Но тетка ухватилась за него еще сильнее и заговорила еще громче:

— Не трогай ребенка! Как себя ведешь в церкви! Позорище!

— Нет, это вы уберите руки от моего ребенка! — мама теперь говорила жестко и тоже громко.

— Да ты что творишь?!

— Уберите руки от моего ребенка! Он чужого брать не будет и никуда с вами не пойдет!

Растерянного Федьку тянули в разные стороны, свечка выпала, и освободившейся рукой он ухватился за маму, боясь, что одна она без его помощи с теткой не справится. Мама сгребла его в охапку, подняла на руки и, крепко прижав, развернулась к выходу. А тетка все не успокаивалась, шла за ними и почти кричала:

— Свечку купить не могут! И не стыдно так в церкви-то себя вести! Пример какой ребенку! Приехали тут!

— Не надо трогать нашего ребенка, он приучен у чужих людей ничего не брать! — вступилась крестная.

— А ты кто такая? Как воспитали-то!

— Меня очень хорошо воспитали, и вам дай Бог так своих детей воспитать...

Дальше разговора Федька уже не слышал, только испуганно смотрел

через мамино плечо, как тетка ругалась на крестную. Мамино плечо пахло вкусно, и щека терлась о ее мягкую шею. «Хорошо как, что у меня и моя мама есть, и крестная мама. Вместе они точно сильнее тетки!» — размышлял он, укачиваемый теплыми любимыми руками…

Детские воспоминания опять подняли внутри какую-то тревогу. В последнее время он все чаще чувствовал ее. Иногда она даже перерастала в страх и спускалась к самому животу. Почему и откуда она появлялась, Федька не мог понять, и от этого еще неприятней становилось. От родителей он постоянно слышал про переходный возраст.

— Дед, а я вот что-то маму не очень помню, когда совсем маленький был. Работала она, что ли, много?

Дед продолжал перебирать гречку, как будто и не слышал.

— Де-ед! Про маму спрашиваю, почему не помню? — повторил Федька в самое ухо.

— Да слышу я. На-ка вот, собери, что осталось, — он протянул банку для крупы, а остальное сгреб в кастрюлю. Федька вяло ссыпал не отобранные зерна в банку, ожидая очередной истории деда. — Да вот, как тебе сказать. Вроде уже взрослый ты у нас, вымахал какой, понимать должен.

— Чего понимать?

— Да про маму понимать, — дрожащие руки несколько раз безуспешно чиркали спичками о коробок, но искра не появлялась.

— Дай я! — спичка ловко скользнула по картону, озарилась пламенем, и конфорка засветилась сине-оранжевыми языками.

— Вот помощник, говорю, вырос ты уже, двенадцать-то лет!

— Тринадцать, деда. Двенадцать в том году было, когда велик подарили.

— Ну да, тем более, тринадцать уже, поймешь.

— Что пойму?

— Да про маму. Они, видно, закрутились совсем, сказать тебе забыли.

— Да кто они? И что сказать?! — Федька уже начинал злиться на деда, постоянно забывавшего суть разговора. Последнее время даже свои древние истории он рассказывал запутанно, сбиваясь с одной на другую, и Федька сам нередко подсказывал ему продолжение сюжета.

— Не твоя она.

— Кто? — Федька так углубился в свои размышления о деде и его старости, что забыл, о чем шла речь.

— Мама твоя… Она не твоя, понимаешь?

— Ты чего, дед? Как это? — в горле снова появилось то странное ощущение. «Наверное, это от грусти, что дед совсем старый стал и глупеет. Такую ерунду иногда говорит!» — он постарался отогнать неприятные мысли.

— Когда родился ты, другая у тебя мать была. Она тебя родила, но не сложилось у них потом с отцом. Вот другая мама тебя и растила.

Федька замер и не мог понять, что он чувствует.

— Это как же это, дед? — говорить получалось плохо, то странное ощущение, как будто сдавило горло, и слова прозвучали почти шепотом. — Как же так вышло?! Ты путаешь что-то!

— Ну, как вышло… Что поссорились-то? Ну, бывает так, ты уж должен понимать. Любили они друг друга. Потом Женька у них появился. А потом выпивать она начала. Негоже это, женщине-то пить, понимаешь?

Мы тогда еще все в Кузовке жили, деревня значит. А там же не как тут, в Москве, там все все видят, не утаишься. Соседи-то шепчутся, переговариваются, отцу потом все слухи доносят. А Женька не понимает, маленький еще. Как брошенный он был совсем.

— Кто он? — слова деда звучали, как из радиоприемника. Как будто кто-то там, за ящиком, рассказывал очередную запутанную историю.

— Женька-то, маленький когда был.

— Да кто это?! — на какое-то мгновение Федька подумал, что дед, и правда, рассказывает историю про кого-то чужого, про далекого мальчика и его пьющую маму.

— А-а, ну да, ты же его не запомнил, наверное. Брат твой — Женя. Первенец у них был. Добрый такой малыш, а глаза все время грустные, — с такой-то матерью.

— Брат? А как же Леша?

— Леша — он не твоего отца сын, это сын мамы, которая вырастила тебя. Когда она с отцом твоим сошлась, лет девять ему было, на год старше Жени.

— Так Леша не брат мне?!

— Ну, не родной, а так брат — сводный. Вместе же росли, у одних родителей. А Женя родной. Когда Ксения, это мать-то твоя, которая родила тебя, вот когда она совсем спиваться начала, отец твой ее к батюшке повез, к святым местам. Это он ее так вылечить все хотел. Да ты не хмурься, большой уже, понимать должен. Вот вернулись они оттуда, а она, значит, забеременела. Это тобой, значит. И как она тут преобразилась вся! Помогли, видать, в церкви-то. Пить бросила, приветливая такая стала, ухоженная, с Женькой целыми днями возилась, в школу его готовила. И он-то как радовался, что мамка его так изменилась, сиял весь, когда с ней по улице шел.

— А что с ним стало?

— С Женей то? Ничего не стало, тьфу-тьфу, жив-здоров, слава Богу!

— А где же он?!

— Так где был, там и есть. Он ведь с ней остался, с Ксенией.

— Как остался?! А как же я? — внутри как будто все тонуло, ускользало. С каждым новым словом деда словно открывался другой мир или, наоборот, рушился его мир, такой любимый, понятный, привычный. Перед глазами возникла картинка женщины с ребенком, которые как будто на другом берегу машут ему рукой, но к себе не зовут. А он проплывает мимо. Им так хорошо вдвоем, они там вместе… И ему вдруг так туда захотелось…

— А почему я не с ними?!

— Ну, так ты и досказать не даешь. Не с ними… С папой ты остался, а он с ней. Ты когда родился — праздник какой для всех был! Здоровый, крепкий — она ведь всю беременность не пила, не курила, как чудо какое. Вот тебя так и решили назвать: мол, Богом ты послан им был, понимаешь? Федор. А через год снова пить начала, да только хуже прежнего. Вас с Женькой бросит и уйдет. А он с тобой на руках все ко мне прибегал. Маша моя слегла тогда, бабушка-то ваша, я и не выходил почти из дому, за ней смотрел. Вот притащит тебя Женька, а сам плачет, за мать переживает. Я накормлю вас, тебя уложу, а его в магазин пошлю или на почту там, принести что. Помощник он был мне в то время. Вот за хлебом, помнится, пошлю, а он часа на два пропадет. Прибегает, весь запыхавшийся, сандалии пыльные. И я, значит, соображаю, что это он мать опять

бегал-искал по всей деревне. А мне говорить не хочет, стыдно ему за мать. Так вот почти год и жили. Пока она на три дня не пропала. Ее потом участковый привез на машине своей, чтоб народ-то не видел позора. Она грязная вся, без обуви, в чужих лохмотьях, пьяная. Ну, тогда отец твой не выдержал. Пошел на следующий день на развод подавать. А самому тяжело, сколько лет вместе, все жалел ее...

Дед застыл, глядя куда-то поверх Федьки... А у того в голове как будто появилась недостающая деталь мозаики. Ему казалось, что он начал вспоминать те эпизоды, о которых говорил дед, — фрагментами, вспышками... Синие с красным сандалии с оторванными ремешками, сбитые коленки, светлые кудрявые волосы. Но все это как будто со стороны, как не его. «Наверное, это был Женя! Наверное, я его помню!»

— А сандалии у него, они какие были?

В глазах деда застыли слезы, а голова монотонно покачивалась.

— Чего говоришь-то? — он достал наглаженный по старой привычке платок и приложил его к глазам. — Заболеваю я, похоже. Вот... заслезились совсем.

— Сандалии у Жени синие с красным были? Еще с ремешками оторванными!

— Сандалии? — дед никак не мог переключиться со своих мыслей обратно на разговор. — У Жени-то? Да откуда ж я помню, какие они были...

— Жалко... — Федьке показалось, что очень важно узнать про сандалии, что от этого так много зависит.

— Хотя, наверное, порванные были. Ксения-то совсем уже за вами не смотрела. Так и ходил он, в чем придется, пока отец не заметит. Нелегко тогда всем было.

На кухне снова повисла пустая тишина. Вода закипала, но мальчик и дед как будто и не слышали позвякивания алюминиевой крышки.

— Маша моя совсем при смерти была. А отец твой мне так и говорит: «Мне, пап, от стыда не скрыться в деревне. Только мама и держит, не могу вас тут одних бросить». — Дед помолчал несколько минут. — А потом умерла бабушка ваша. Как сорок дней справили, так он переезжать надумал. А Ксения помаленьку соображать начала, что детей он забрать у ней хочет, вас с Женькой. И давай тогда она Женьку жалобить. Все плакалась ему, как она одна пропадет, как не управится с горем. А он, не знай как, все утешал ее. Да возьми и скажи ей: «Я тебя, мамочка, ни за что не брошу! Я тебе обещаю!..» Это он мне в тот же вечер рассказал, что матери пообещал. А сам плачет: и мать ему жалко, и с отцом быть хочет.

— Значит, он все-таки маму выбрал? А я как же? А меня — меня не спросили? — Федька не понимал, что с ним происходит. Ему хотелось то расплакаться и спрятаться в угол, то закричать громко-громко, разломать все, а то убежать далеко, чтобы никто не нашел.

— Да тебе два года было, кроха совсем! Как отец все устроил, так решил переезжать с вами. А Женька — ни в какую: плакал, кричал, из дома до самой ночи уходил. Ну и не выдержал, отец-то. Решил время дать ему: пусть, мол, успокоится. Думал, будет навещать его, так тот сам и попросится. А тебя он Ксении не оставил. Боялся, не уследит, тебе и двух лет не было. Вот и решили мы с ним: вдвоем уж как-нибудь управимся. Так и переехали в Москву. Первое время к нам Настя часто приезжала, крестная твоя. Она ж папе твоему сестра двоюродная. Переживала за нас: как мы, два мужика, с ребенком управимся. Приедет, бывало, на выходных,

и весь день от тебя не отходит. Игрушек навезет, в парк сводит — баловала, одним словом. И все папку твоего пилила, что, мол, без матери мальчишке нельзя расти.

— А мама, мама приезжала к нам?

— Какой там! Он ни адреса ей не дал, ни телефона. Боялся очень. Ты первые дни все плакал, искал ее. Вроде ж ведь когда жил с ней, она и не видела тебя почти: пила да гуляла. А ты все же тосковал по родной душе. Вот отец и боялся, что увидишь мать — совсем тяжело станет. Так тебя больше к ней и не возил.

— Никогда?!

— Да вот, выходит, никогда. Да и сам он со временем все реже в деревню выбирался. Сначала Женьку хотел забрать, переживал за него. Но тот никак, уперся, маму решил оберегать. Ну и успокоились на том: Женька с ней, а ты с отцом. Он его раз в месяц навещал, игрушки возил, одежду. Постарше стал — и денег подкинет, не бросал, в общем. Он уж теперь и в армии отслужил. Отец мне его фотографии показывал, гордится.

— Так они и сейчас общаются?

— Конечно, что ж им не общаться — сын все-таки.

Дед не стал расписывать внуку, как его отец искал себе новую жену, как мучился, приглашая в дом то одну, то другую. Самому деду ни одна не нравилась: все они, когда Федьку видели, как будто разочаровывались... Не хотелось им чужого ребенка. Да и понятно оно — зачем им в придачу к мужику неродной малыш. А потом появилась Вера. Деду она сразу понравилась: взрослее всех предыдущих, серьезная, рассудительная. И, главное, глаза у нее добрые, задумчивые. Как в дом пришла — так как будто всегда с ними и жила. И с Федькой как ловко управлялась. И Насте она понравилась — подругами стали. Настя деда подбивала повлиять на сына: мол, чем не пара, женился бы. А сын все как-то мялся, отмалчивался. А раз приехал, видимо, со встречи с ней, весь взволнованный:

— Пап, разговор у меня к тебе. Совета твоего спросить. Хочу на Вере жениться.

— Ну, и слава Богу! Чего тянуть-то! Хороша она, и Федору с ней хорошо.

— Подожди, тут проблема есть.

— Да ну, навыдумываешь еще, чего там у вас?

— Ребенок у нее. Уже большой, девять лет.

— А где ж это он?

— С ней живет, в ее квартире. Вот сегодня знакомиться ездил, Алексеем звать, славный вроде паренек.

— А чего ж тогда проблема?

— Ты думаешь, не страшно? — глаза сына засияли с облегчением. — Я за Федьку переживаю, как ему-то будет?

— Да ну брось ты, малой он еще. Привыкнет, как к родному, и не вспомнит потом.

В круговерти переездов Федька, и правда, попривык. Одно время подолгу молчал, все прислушивался к чему-то. Но и это постепенно прошло. Первые месяцы дед часто забирал Федьку на выходные к себе, старался дать передохнуть сыну с невесткой. Но постепенно Вера начала все больше привязываться к малышу и настойчиво просила детей не разлучать: вместе с ними обоими и в парк, и в лес, и на море. И жизнь потек-

ла спокойно. Впервые после смерти Маши деду показалось, что все налаживается. Бывали и ссоры. Да у кого же их нет. Но так они с годами привыкли друг к другу, что все уже само текло, как будто так и должно быть.

Дед посмотрел на совсем потерянного внука. И жалко его стало, и вроде большой уже. Забился в угол, как воробей взъерошенный.

— Как же так, деда?

— Ну, вот так в жизни вышло. Всякое бывает, понимаешь. Ты не тоскуй, уж как получилось.

— Ведь они должны были мне рассказать! Обязаны были! Как же это они?!

— Да не хотели, чтоб переживал ты! Как лучше ведь хотели.

— Кому лучше? Они ведь знали! Это ведь... Это ведь получается, все знали? Все вы знали?! — Федьку пронизывала боль от такого предательства близких.

— Да мы ж за тебя боялись. Что ж не поймешь никак, чудак-человек!

— И крестная, значит, Настя, тоже знала? — он уже не слышал деда, а только перебирал в памяти всех родных и друзей семьи, пытаясь разобраться, кто из них тоже знал, но молчал.

В дверь позвонили. Два коротких, один длинный. «Это она! — мелькнуло в голове у Федьки. — Она всегда так звонит, чтоб дед чужим не открывал!»

— Откроешь? — дед несколько мгновений вопросительно смотрел на погруженного в свои мысли внука и, кряхтя, пошел открывать сам.

«Это все неправда!» — вдруг озарило Федьку. Сейчас она войдет, его мама, и все это окажется глупой историей старого деда. Она посмотрит на него, и все сразу станет ясно.

— Привет, Вера!

— Вы чего так долго не открываете?! Я уже подумала: случилось что! А ты чего такой хмурый? Подростковый бунт на корабле? — ласково улыбнулась она Федьке.

— Ты... ты почему мне не сказала? — он хотел, чтобы вопрос звучал твердо, по-взрослому, чтобы она не смогла соврать. Но голос дрожал и звучал пискляво, как у девчонки.

— Что не сказала, родной мой? — она нежно смотрела на него, одной рукой пытаясь расстегнуть босоножку. — Ноги совсем отекли: осень на дворе, а жара какая!

— Никакой я тебе не родной! — сдавленно прохрипел он.

Все внутри напряглось, как пружина. «Скажи, что это все не так! Ну же! Скорей, скажи, что дед совсем глупый стал! Ну, чего же ты!» — мысли проносились в его голове, пока она поднимала взгляд от непослушного ремешка.

— Что ты имеешь... — ее глаза встретились с глазами Федьки, и взгляд начал медленно напрягаться, как будто пытаясь что-то рассмотреть. Она резко повернулась к деду, и лицо ее застыло с выражением страха. Дед растерянно отвел глаза, потирая затылок. Мамин взгляд снова вернулся к Федьке и замер... Все его надежды разбились. Все было правдой, дед не врал. Он все прочел на ее лице.

Вера осторожно стянула босоножки, захлопнула входную дверь и прошла на кухню, сев напротив Федьки. Дед выключил свет в коридоре и медленно поплелся за ней.

— Ты теперь все знаешь, да?

Федька смотрел на ее лицо, не чувствуя внутри ни тепла, ни нежности. Волосы у нее прилипли ко лбу и щекам, под носом выступили капельки пота, а кожа неравномерно покраснела. Она тяжело дышала, и от нее пахло пыльной улицей. Ее веснушчатые руки нервно потирали край стола, и он задержал взгляд на мозолистых от стирки красных пальцах с заусенцами у основания коротко остриженных ногтей.

— Нам надо всем поговорить.

Они снова встретились взглядами, и она поспешно отвела свой в сторону убегающей на плите каши. Он увидел много мелких морщин вокруг ее едва подкрашенных глаз. Они разбегались лучиками от носа к вискам и вниз к щекам. Они бежали по всему лицу, исчерчивая едва заметной паутинкой ее лоб, щеки, подбородок. Он смотрел на ее бледные тонкие губы, которые что-то произносили, и морщинки вокруг них. Он заново изучал это чужое лицо.

□ □